

59. Кышпанакоев В.А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг. Абакан, 1995.

60. Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). Якутск, 2000.

61. Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А. Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск, 2003.

62. Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007.

63. Исупов В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008.

64. Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2010. Вып. 1; 2011. Вып. 2.

Статья поступила
в редакцию 20.08.2012

УДК 94(47)''19''

М.М. ЕФИМКИН

СИБИРСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЕКТОР: РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: ist_dem@history.nsc.ru

В статье рассматривается динамика демографических процессов на востоке России (на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке), протекавших в условиях системных политических и социально-экономических преобразований XX в. Характеризуется влияние переселенческой политики П.А. Столыпина, двух мировых войн, экономической и демографической политики советского правительства разных периодов на формирование и противоречивое развитие демографического потенциала восточных регионов. Делается вывод об особой актуальности стратегии «сбережения и преумножении народа» для Азиатской России, геополитическое значение которой трудно переоценить.

Ключевые слова: демографическая политика, демографическая динамика, региональная демографическая система, воспроизводство населения, миграционные процессы.

Широко известны слова М.В. Ломоносова о том, что «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным Ледовитым океаном», но только недавно «в ход пошло» его не менее актуальное для Сибири высказывание о том, что величие и богатство всего государства состоит в здоровом и многочисленном народе, а не в обширности, тщетной без обитателей. Передовые умы России понимали необходимость заселения территорий страны активным и богатым населением на основе производственной деятельности. И такая задача представлялась наилучшей в качестве национальной идеи, определяющей главный вектор движения на века вперед.

Создание устойчивого и динамично растущего демографического потенциала на пространствах от Урала до тихоокеанского побережья было и остается проблемой, полноценного разрешения которой за 400 лет так и не достигнуто. Тем не менее можно утверждать, что демографический фактор по-прежнему является главной материальной основой территориального освоения востока России. Особенность его заключалась в том, что небольшим по численности населением Россия осваивала громадные пространства. «Какие причины заставляли русский народ, обладавший просторной,

сравнительно со своей численностью, территорией, занимать все новые и новые земли, места, расширяя эту территорию, раскидываясь по ней редкими и большей частью малолюдными поселками»? [1, с. 203]. Действительно, «для чего и ради чего... русский народ заселил пространство, в три раза превышающее территорию его родины...?» [2, с. 320].

Видимо, здесь целый комплекс причин, в основе которых лежит своеобразный менталитет, базирующийся на особом, сложившемся в экстремальных условиях физиологическом типе россиянина, вечно стремящегося к неизведанному, к простору. Возможно, корни еще и в том, что восточные славяне – это извечно выдавливаемая со всех территорий этническая группа, русская ветвь которой особенно активно подвергалась этому с начала XIII в. А возможно, это и повышенная пассионарность русского народа [3, с. 91]. Писал же в середине XVIII в. М.В. Ломоносов: «Напрасно строгая природа от нас скрывает место входа с берегов вечерних на восток... Колумб Российский между льдами спешит и презирает рок». Не понял этого президент США В. Вильсон, сожалеющий о том, что Сибирь досталась России. Ему и в голову не приходило, что Сибирь может быть проклятием России, висящим на ней тяжелым бременем, как трубят об этом уже не одно десятилетие «радетели» России. Исторический опыт освоения новых сибирских территорий подтвердил их

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00247а.

государственную оценку американским президентом и выдающимися отечественными деятелями.

Эти, казалось бы, простые истины понимали давно. Было очевидно, что никакая армия и крепости не заменят постоянного населения для сохранения территории за государством. Экономически гораздо более выгодно способствовать росту благосостояния местного населения, чем содержать большие охранно-воинские контингенты. Необходимость заселения сибирских территорий теоретически представлялась аксиомой. На практике же она воплощалась с периодичностью, разной по степени интенсивности, что было связано, как правило, с международными (внешними) обстоятельствами. В целом же в России нового и новейшего времени данный всеобъемлющий вектор ее развития не находил и не находит своего планомерного и регулярного становления, несмотря на «демографические всплески», вызываемые геополитической ситуацией, которые так характерны для сибирских территорий.

И, весьма возможно, правы те ученые, которые утверждают, что для России альтернативой устойчивому развитию является развитие прерывное, мобилизационное. Однако к проблемам народонаселения, к демографической компоненте это мало применимо. Развиваясь и увеличиваясь от всплеска к всплеску, мы теряем связь поколений, историческую энергию, ухудшаем генетический код народов, населяющих нашу страну, что с полной очевидностью демонстрирует демографическая ситуация в разных по своему географическому, социально-этническому и конфессиональному положению районах страны. Более того, «выбивали» его в ходе масштабных «преобразований» на протяжении тысячелетней истории России.

Хотя идея сохранения и размножения русского народа утвердилась еще при Екатерине Великой, изводили его масштабно. Думается, что стратегия «сбережения» народа, на которую указывали лучшие российские умы, должна лечь в основу сегодняшней национальной идеи. Особенно актуальна эта стратегия для восточных территорий России, теряющих население. Эти территории во многом определяют сегодня геополитическую миссию нашей страны, и их роль будет неуклонно возрастать. Удержать такую территорию, огромную по масштабам и богатству, легче с «густым», процветающим населением. Сибирь не обладает достаточным количеством населения – главного богатства страны.

Ресурсы Азиатской России и ее экономико-географическое положение продолжают оставаться определяющими для страны, ибо здесь формируются базисные материально-вещественные основы валового национального продукта. Здесь сосредоточено 84 % нефти, 85 % газа, 81 % алмазов, 90 % олова, большая часть российских запасов сурьмы и треть всех мировых запасов ниобия; к тому же данная территория представляет собой определенную географическую, историческую и культурную общность. Сегодня капитал, пришедший на эту благодатную землю, мало заинтересован в демографической «густоте», требующей от него непроизводительных затрат. На современном этапе в России он может обходиться и рабочей силой не слишком высокой квалификации, поскольку прино-

сящие основные доходы сырьевые секторы предъявляют более низкие квалификационные требования к ней. Вряд ли это способствует продвижению на восточные территории высококвалифицированной рабочей силы, требующей другого, высокого инфраструктурного уровня и высоких технологий. Поэтому объявленная задача создания 25 млн новых современных рабочих мест скорее популистская, нежели реально выполнимая в указанные сроки. Она требует кардинальной, а не только модернизационной смены технико-технологической базы российского производства, других форм подготовки современных производственных кадров и соответствующей инфраструктурной составляющей. Сегодня опорные сибирские и дальневосточные регионы, располагая колоссальными богатствами, не живут, а выживают. Неплохо было бы учитывать мировой опыт, заключающийся в том, что в прошедшем XX в. ни одна страна, богатая природно-энергетическими ресурсами, не совершила серьезного экономического рывка. Первоочередное внимание поэтому должно уделяться инвестициям в человеческий капитал, вложения в который перспективнее, чем вложения непосредственно в производство. Историю развития человеческого капитала Сибири мы попытаемся рассмотреть через призму его количественных социально-демографических характеристик. Прежде всего представляют интерес количественные показатели народонаселенческих процессов на востоке России в их вековой динамике как неотъемлемой части общероссийской демографической динамики (см. таблицу).

Принципиальная схема размещения населения на пространствах Сибири, абрисно определившаяся почти два с половиной столетия назад под воздействием Сибирского тракта, закрепленная на рубеже XIX–XX вв. сооружением Транссиба, внешне остается неизменной до настоящего времени. Однако внутренние, конструктивные составляющие этой схемы претерпели существенные трансформации. Крестьянская переселенческая программа предполагала и, более того, по замыслу ее идеологов предопределяла сугубо аграрную специализацию будущего хозяйственного развития Сибири. Прогнозы инициаторов переселенческой политики реально осуществились. Сибирь действительно стала одной из ведущих житниц России. Однако развитие производительных сил этого региона не ограничилось достигнутым. Сопутствовавшие сооружению Транссиба и крестьянскому переселению замыслы, указывавшие на необходимость одновременно с аграрным промышленного освоения природных ресурсов, не реализовались. Осуществить их не позволили мизерный размер государственных инвестиций, негативная реакция частновладельческого капитала Центральной России и Урала, «малокапитальность» местного делового мира.

Аграрная Сибирь была пробуждена к активному промышленному развитию через 15 лет после реализации переселенческой программы. Только на рубеже 1920–1930-х гг., с окончанием восстановительных процессов в народном хозяйстве, было положено начало индустриализации Сибири. Как утверждает М.В. Шилловский, «Бисмарк из Саратова», испросивший 20 лет, дабы сделать всех счастливыми, а страну великой,

Динамика численности населения России и ее восточных регионов в 1897–2010 гг. (млн чел.)*

Регион	Годы												
	1897	1917	1926	1937	1940	1959	1970	1979	1989	1995	2000	2002	2010
Россия	67,5	91,0	92,7	103,9	110,0	117,5	130,0	137,6	147,4	148,0	145,9	145,2	142,9
Восточные регионы	13,3	21,7	23,1	27,5	30,9	40,1	44,3	47,1	52,4	52,1	51,5	51,0	49,8
В том числе:													
Урал	6,8	10,7	10,8	12,4	13,8	17,5	19,0	19,4	20,3	20,5	20,1	20,0	20,0
Сибирь	5,3	9,7	10,7	12,5	14,0	17,8	19,5	20,9	24,2	24,4	23,9	23,7	23,7
В том числе:													
Западная	3,6	6,7	7,4	8,4	9,1	11,3	12,1	12,7	15,0	15,1	15,0	15,0	14,9
Восточная	1,7	3,0	3,3	4,1	4,9	6,5	7,4	8,2	9,2	9,1	8,9	8,8	8,8
Дальний Восток	1,2	1,3	1,6	2,6	3,1	4,8	6,0	6,8	7,9	7,6	7,5	7,3	7,5
Доля восточных регионов в населении России, %	19,7	23,8	24,9	26,5	28,0	34,2	34,1	34,2	35,5	35,1	35,4	35,0	35,0

* Составлена по: Ефимкин М.М. Роль социально-демографического фактора в пространственном расширении России на Восток: итоги и перспективы // Социальные проблемы сибирских городов в ретроспективе XX в. Новосибирск, 2001. С. 17; Он же. Роль социального фактора в пространственном освоении Востока России // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 2. С. 42; Основные итоги переписи населения 2002 г. М., 2003. Т. 14. С. 10–11; Основные итоги переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]: предварительные итоги. С. 28–29. URL: <http://www.primstat.ru/VPN2010/webpages> (дата обращения: 07.09.2012).

осуществлял в начале XX в. в аграрной сфере России не реформу, тем более упреждающего характера, а аграрную политику с элементами волюнтаристского реформирования¹.

Большевикам царское правительство «подготовило» значительно, по тогдашним меркам, заселенную Сибирь, в которой проживало более 11 млн чел. В те же годы наблюдалось медленное, но неуклонное сокращение смертности населения Сибири, увеличение срока ожидаемой продолжительности жизни. В 1892–1896 гг. в Сибири на каждые 1 тыс. чел. населения умирало 36 чел., в 1906–1909 гг. – 34, а в 1910–1914 гг. – 32 чел. [4, с. 119]. Это было обусловлено не только повышением уровня жизни, но и главным образом успехами здравоохранения, существенно сократившими смертность от инфекционных заболеваний. Потери в населении компенсировались интенсивной рождаемостью: в 1884–1886 гг. на 1 тыс. чел. населения в Сибири родилось 49 детей, а в 1906–1914 гг. – 52 ребенка [Там же]. Таким образом, высокий коэффициент естественного прироста населения Сибири во многом определял существенные темпы роста численности его жителей.

По масштабам и последствиям массовую крестьянскую миграцию в Сибирь конца XIX – начала XX в. и производимое одновременно с этим землеустройство можно квалифицировать как переселенческую революцию [5, с. 102]. Правда, этот начальный период массового переселения был омрачен первой российской демографической катастрофой XX в., затяжной по времени и тяжелой по людским потерям. Однако восточные районы России она затронула в меньшей степени: сюда в годы голодного мора хлынули беженцы из других районов России, восполняя потери местного населения. Только в 1919 г. общее количество прибывшего в Сибирь населения составило 432 тыс. чел. [6, с. 72]. По окончании Гражданской войны демографическая ситуация в регионе медленно, но

устойчиво стабилизировалась, что и было зафиксировано Всесоюзной переписью 1926 г. Характерными для XX в. были по крайней мере четыре переселения на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток. В начале века широкий размах получило переселенческое движение, простимулированное не только государственным, но и промышленным фактором – установлением регулярно сообщения по Транссибирской магистрали.

Следующий период связан с индустриализацией страны. Советская власть, большевики на практике приступили к осуществлению большого количества грандиозных народнохозяйственных программ на востоке страны. Едва утвердившись у власти, они уже в своей второй партийной программе (1919 г.) указывали на необходимость максимального использования рабочей силы, правильного ее распределения между областями и отраслями. Эта программная установка стала определяющим фактором их региональной политики, подчинившим себе все другие сопутствующие процессы. В.И. Ленин практически директивно, как председатель Советского правительства, писал в 1919 г. в статье «Наброски научно-технических работ» о том, что основной задачей реконструкции народного хозяйства является рациональное размещение промышленности в России: «с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта» [7, с. 228]. Тем самым была определена доктринальная хозяйственная политика государства восточного направления.

Таким образом, идеология и практика социалистической индустриализации определялись двумя главными императивами: назревшей необходимостью преодоления техническо-экономической отсталости, характерной для страны в целом, и подготовкой к вероятной войне.

Индустриализация в Сибири преследовала совершенно определенную цель: создание на случай войны

¹ Шиловский М.В. А был ли Петр Столыпин реформатором? // Вечерний Новосибирск. 1996. 22 нояб.

глубокого, стратегического индустриального тыла. Эта идея впервые была выдвинута во время Русско-японской войны, когда из-за отсутствия промышленной базы в Сибири подковы и гвозди к местам военных действий доставлялись с Урала и из центра России. В Первую мировую войну уральская металлургия из-за дефицита топлива также не справлялась с военными заказами, а южная металлургия оказалась в сфере боевых действий. Была и другая цель, имевшая явный классовый идеологический подтекст: решительно и быстро преобразовать мелкобуржуазную стихию в лице российского крестьянства, загоняя его в сельскохозяйственные кооперативы (колхозы), обобществляя землю и средства производства. Это позволяло власти выкачивать из деревни товарное зерно для нужд индустриализации.

Индустриализация носила тотальный характер. Решению ее проблем и задач подчинялось все, в т. ч., конечно, и демографические процессы. Направить их в необходимое для успешной реализации планов промышленного строительства русло в Сибири было особенно сложно. Отсутствие промышленных традиций и, соответственно, базы подготовки кадров специалистов и рабочих, аграрная специализация хозяйства, общий невысокий уровень потенциала демографических и трудовых ресурсов обусловили методы, формы и средства обеспечения промышленных и транспортных новостроек и затем действующих индустриальных объектов рабочей силой: от вербовки и призывов, материального стимулирования и морального, общественного поощрения до трудовых мобилизаций и других экстраординарных внеэкономических мер и приемов. Но уже на рубеже 1928–1929 гг. проявились предупреждающие черты ухудшения демографической ситуации в Сибири. Уровень рождаемости в городах Западной и Восточной Сибири понизился – соответственно с 42 до 35 ‰ и с 37 до 27 ‰. Проявилась и тенденция к увеличению смертности и сокращению продолжительности жизни населения. В западносибирском селе, поставлявшем основную массу рабочих рук на здешние индустриальные стройки, естественный прирост населения снижался: в 1928 г. рождаемость превысила смертность на 236 тыс. чел., в 1929 г. – на 225 тыс., в 1930 г. – только на 200 тыс. чел. Особо подчеркнем, что в начале 1930-х гг. голод погнал людей из деревни, где он разразился в первую очередь, в город [8, с. 25–26].

Иначе говоря, демографическое спокойствие в Сибири, установившееся было после Гражданской войны, к рубежу 1920–1930-х гг. оказалось нарушено. Сибирский демографический потенциал переживал процесс перераспределения между городом и деревней, с явным перевесом в пользу города, чему в незначительной степени способствовали переселения в Сибирский край, осуществляемые советской властью. Вследствие планового сельскохозяйственного переселения, начавшегося в 1925 г., в регион прибыло свыше 900 тыс. чел. [9, с. 81–92]. Согласно данным переписей, расположенные вдоль Транссиба города, в первую очередь Омск, Красноярск, Иркутск и Новосибирск, стали лидировать в стране по динамике роста численности населения.

Механический прирост населения городов обеспечивался за счет сибирской деревни, поставлявшей неквалифицированную рабочую силу, и западной части страны, в том числе Урала, направлявшего не только специалистов, но также мигрантов из сельской местности и малых городов. Примечательно, что в сибирские города из сибирской деревни и в Сибирь из Европейской России прибывали мигранты преимущественно молодых возрастов, что укрепляло основу будущего естественного роста численности городского населения. Эта весьма перспективная компонента миграционного притока в Сибирь, обозначившаяся в период индустриализации, впоследствии присутствовала в качестве ведущей практически во всех крупномасштабных акциях промышленного и транспортного строительства в Сибири.

Несмотря на то, что хозяйственные программы на востоке страны выкачивали колоссальные объемы сырья и энергии, они объективно способствовали привлечению сюда населения на многочисленные рабочие места. Нарастание экономического потенциала за счет восточных районов страны в годы первых пятилеток вызывало массовые перемещения населения на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток. Это зачастую проявлялось в превалировании административно-принудительных мер в территориальном перераспределении населения, направленных на обеспечение рабочими кадрами крупномасштабных народнохозяйственных проектов. С учетом приезжавших по добровольному согласию к 1940 г. восток России принял свыше 5 млн чел. Особенно увеличилось число жителей на Урале, где положительное сальдо миграции почти сравнялось с размерами естественного прироста. Численность населения этого экономического района превысила 13,8 млн чел. Увеличилось число жителей и в Сибири, и на Дальнем Востоке, достигнув более 17 млн чел. К 1940 г., после голодной катастрофы 1930-х гг., демографическая ситуация стабилизировалась, отмечен значительный прирост населения края. С 1926 по 1940 г. численность жителей Сибири и Дальнего Востока выросла на 4,8 млн (см. табл.).

Третий период массового перемещения людей на восток России охватывал суровые годы Великой Отечественной войны и был связан с перемещением большого количества промышленных предприятий и населения в восточные районы. В эти годы в Сибирь было эвакуированных свыше 10 млн чел. Несмотря на резкое сокращение общей численности населения в стране за счет оккупации территорий, фронтовых потерь и естественной убыли, в Зауралье в 1942 г. проживало более 30 млн чел. (и это с учетом мобилизации). Великая Отечественная война оказала двойственное воздействие на развитие демографического потенциала Сибири, на рост численности городского населения, социально-профессиональный состав его экономической активной части, половозрастные характеристики и другие демографические составляющие. На территории Сибири не происходило военных действий, однако потери ее мужского населения за годы войны составили величину, сопоставимую с Белоруссией, население которой активно сражалось с фашистами в условиях оккупации. По подсчетам В.А. Исупова, вос-

ток России потерял в результате войны почти 11 млн чел. [10, с. 84]. Из-за невозвращения с войны подавляющей части мужчин призывных возрастов вплоть до 1925–1926 гг. рождения воспроизводственный процесс населения Сибири оказался нарушен. Но одновременно, главным образом в 1941–1942 гг., вместе с эвакуированными предприятиями Сибирь приняла значительный приток эвакуантов из европейской части страны. Например, только Новосибирский эвакуопункт зарегистрировал свыше 1,5 млн чел.

Рост населения сибирских городов в годы войны происходил не только за счет эвакуантов. Значительный механический прирост обеспечивался притоком из сельской местности. Основную массу прибывавших в города деревенских жителей составляли молодые люди, подростки допризывного возраста – 1927–1929 гг. рождения, и их сверстницы, которые после ускоренного обучения рабочим профессиям включались в трудовые коллективы промышленных предприятий. К концу войны, несмотря на колоссальные потери мужского населения, снижение уровня рождаемости, увеличение смертности, в т. ч. детской, и другие издержки, численность населения городов Сибири увеличивалась, и доля городского населения в общей его массе возросла. Реевакуация промышленных предприятий и части их коллективов, начавшаяся в 1943 г., не остановила процесс роста населения крупных сибирских городов и городского населения в целом.

Характерно, что в демографической системе город – село наибольший урон война нанесла абсолютной численности сельского населения. Мужское сельское население призывных возрастов подлежало военной мобилизации практически поголовно, фактически без каких-либо исключений. На колхозников и работников совхозов, в отличие от ряда категорий рабочих и специалистов промышленных предприятий, не распространялась система т. н. бронирования. Убыль сельского населения в результате тотальной военной мобилизации мужчин дополнялась трудовой мобилизацией из села в город жителей подросткового возраста. В результате глубокой военной и трудовой мобилизации мужского сельского населения резко изменилось соотношение мужчин и женщин в возрасте 16–54 лет. Из контингента эвакуантов в сельской местности размещались преимущественно беженцы, не представлявшие особой ценности для промышленных предприятий даже в качестве неквалифицированной рабочей силы. Численность таких категорий эвакуантов была весьма незначительной.

В города эвакуировались в первую очередь специалисты и высококвалифицированная часть рабочих коллективов промышленных предприятий. Городское население Сибири за годы войны увеличивалось, но к концу 1945 г., как уже было сказано, общая численность населения региона уменьшилась. По данным В.А. Исупова, на 1 января 1941 г. население Сибирского края составляло почти 15 млн чел., а на 1 мая 1945 г. – всего 13,3 млн чел. При этом историк учитывает только «ординарное население» тыловых районов [6, с. 79].

Хотя уровень смертности в Сибири начиная с 1943 г. сократился к 1945 г. более чем в 2 раза в городском населении и на треть в сельской местности, число умерших в 1942–1944 гг. превысило число родившихся. В итоге произошла естественная убыль и сократилась численность населения. С завершением Второй мировой войны демографическое напряжение не спадало вплоть до 1948 г., поддерживаемое засухой 1946 г. и голодом 1947 г. Особенно высоким в эти годы был уровень детской смертности. В регионе погибло около 100 тыс. детей в возрасте до 1 года [6, с. 79–80].

С окончанием войны была возрождена практика целенаправленного воздействия на обеспечение роста численности населения Сибири. Но чрезвычайные формы и методы максимального извлечения трудовых ресурсов из имевшегося демографического потенциала уже не могли быть морально оправданы и продолжены без серьезной их коррекции. Да и в практическом, житейском плане их дальнейшее использование представлялось неэффективным. Люди, трудившиеся во имя победы в войне, теперь вправе были получить возможность создавать семьи. О несовместимости экстраординарных решений военного времени с естественными демографическими процессами свидетельствовали многообразные реалии: отток из производственной сферы женщин-матерей, трудмобилизованных, пенсионеров, несовершеннолетних, а также молодых людей, ориентированных на приобретение среднего специального и высшего образования и, в конечном счете, общее истощение местных ресурсов рабочей силы. Демобилизация армии возвращала в Сибирь лишь малую часть изъятого в годы войны мужского населения. Фактически вернувшиеся фронтовики не возмещали очередной убыли мужского населения Сибири, призванного в послевоенные годы в Вооруженные силы. Первые поколения послевоенных призывников 1927 и последующих годов рождения, призванные в 1946–1948 гг. на действительную службу в послевоенную Советскую армию, оказались вынужденными находиться под ружьем два-три года сверх действовавших сроков срочной службы.

Показатели брачности, по сравнению с годами войны, заметно повысились. Однако и здесь проявлялись последствия войны. Мужчин в диапазоне активных возрастов (до середины 1920-х гг. рождения), вернувшихся живыми с войны, оказалось слишком мало, чтобы поднять уровень рождаемости. Тем не менее, освобождение от солдатского мундира миллионов мужчин привело к тому, что процесс компенсационного роста рождаемости приобрел параметры, сопоставимые с наиболее благополучными предвоенными годами [11, с. 271]. К середине 1950-х гг. была восстановлена довоенная численность населения страны. Однако в следующем пятилетии (1955–1959 гг.) процесс снижения уровня рождаемости усилился. «Залповая» рождаемость к началу 1950-х гг. была практически исчерпана. Положительные сдвиги в медицинском обеспечении материнства способствовали снижению детской смертности более чем вдвое, а общей смертности – почти на 50 %. Восстановление демографического потенциала и возвращение его в

режим устойчивого развития завершили в основном к середине 1950-х гг. При этом наряду с повысившейся во второй половине 1950-х гг. нормой естественного прироста численности населения продолжение получила практика организованной «накачки» Сибири миграционными потоками.

Таким образом, формирование населения Сибири происходило под сильным влиянием нового цикла миграционного перемещения населения с европейской территории за Урал. Все это в совокупности с воспроизводством населения как режимом замещения поколений способствовало росту общей численности жителей азиатских просторов России, мало пригодных для нормальной жизни людей, перемещавшихся сюда из других природно-климатических зон. Это было временем демографического благополучия. Смертность в Сибири сократилась с 15 % в 1947 г. до 7,3 % в 1959 г., в т. ч. в городских поселениях – до 6,9 %. Продолжительность жизни в конце 1950-х гг. достигла самых высоких за всю предыдущую историю развития региона показателей: для мужчин – 61,7 года, для женщин – 70,4 года [7, с. 80]. Общая численность проживавших в крае выросла с 17,1 млн чел. в 1940 г. (13,3 млн в 1945 г.) до 22,6 млн в 1959 г. (см. таблицу).

Демографические процессы на востоке России являлись следствием неуклонно осуществляемой приоритетной парадигмы советского государства, направленной на сдвиг производительных сил на восток, что объективно способствовало привлечению сюда населения на многочисленные рабочие места. Качественный рост населения стал общим явлением для данных территорий, но его динамика еще не набрала перспективной силы. Удельный вес сибиряков в составе всего населения Российской Федерации с 1937 по 2002 г. неуклонно возрастал при такой же неуклонной тенденции его понижения в общесоюзной численности [12, с. 13; 13, с. 39]. Данное противоречие свидетель-

ствовало о несоответствии объективной потребности страны в интенсивном развитии производительных сил Сибири и имеющегося количества рабочей силы, непосредственных производителей, и это представляло серьезный тормоз для успешного освоения стратегического региона России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1903. Ч. 3.
2. Андреев Д.Л. Собрание сочинений: в 3 т. М., 1995. Т. 2.
3. Можайскова И.А. Духовный облик русской цивилизации и судьба России: (опыт метаисторического исследования): в 4 ч. М., 2002. Ч. 4.
4. Зверев В.А. «Родится на смерть, умрет на живот»: естественное движение населения Сибири за 30 лет (1884–1914) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. Барнаул, 2008. Вып. 2.
5. Шиловский М.В. Сибирский фронт: неоконченное путешествие по неизвестной земле // Евразия: региональные перспективы. Новосибирск, 2007.
6. Исупов В.А. Население Сибири в XX столетии: безрадостное прошлое, смутные перспективы // Человек. Труд. Занятость. Новосибирск, 1998. Вып. 2.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36.
8. Исупов В.А. Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945). Новосибирск, 2008.
9. Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941). Томск, 1976.
10. Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986.
11. Долголюк А.А., Ефимкин М.М., Ламин В.А. Трансформационные процессы в социальной структуре Новосибирской области в XX столетии. Новосибирск, 2005.
12. Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М., 1976.
13. Воробьев В.В. Население Восточной Сибири: (современная динамика и вопросы прогнозирования). Новосибирск, 1977.

Статья поступила
в редакцию 22.08.2012

УДК 94(47)“1895/1914”

В.А. ЗВЕРЕВ

НАСЕЛЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1895–1914 гг.: ДИНАМИКА ЕСТЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА*

д-р ист. наук,
Новосибирский государственный
педагогический университет
e-mail: sosna232@yandex.ru

В статье впервые рассчитаны и найдены объяснение общие коэффициенты естественного движения населения (рождаемости, смертности, прироста) в Амурской, Приморской и Якутской областях, а также на о-ве Сахалин рубежа XIX–XX вв. Показатели сведены в динамические ряды, дифференцированы по городским и сельским поселенческим комплексам. Отмечены особенности ситуации в ряде своеобразных локальных и социальных групп: у амурского и уссурийского казачества, крестьян-старожилов, переселенцев и др.

Ключевые слова: историческая демография региона, естественное движение населения, демографические коэффициенты, городское население, сельское население, рождаемость, смертность, естественный прирост, Дальний Восток, Приамурье, Приморье, Якутия, Сахалин.

* Публикация подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг.